

ИСТОРИЯ СПЕКТАКЛЕЙ ДРУЗЕЙ

Светская культура
Москва
7 ИЮН 1952

СЛУЧАЕТСЯ ТАК — отпавляясь на спектакль незнакомого театра, тем не менее заранее представляешь себе, что тебя ждет. В одном случае по рассказам, в другом по отзывам печати, а чаще всего по той репутации, которую завоевал себе тот или иной коллектив. На этот раз все было иначе. Наши ожидания были противоречивы: с одной стороны, мы вспоминали о больших традициях польской оперетты, которая вступила недавно во второе столетие своего существования. Мы вспоминали о том, что уже в 1859 году варшавяне познакомились с музыкой Оффенбаха, а потом и других классиков этого жанра. Многие актеры польской оперетты завоевали уже в нашем столетии европейскую известность. Итак, традиции. Но...

Мы думали и об интересных (хотя порой и спорных) экспериментах и смелых исканиях мастеров польского искусства в живописи и кино, литературе и музыке. Казалось, что без таких экспериментов и неожиданностей не обойдется, конечно, и оперетта — жанр, находящийся сейчас, в сущности, на переломе.

Это молодой театр (художественный руководитель и директор Тадеуш Бурштынвич). Он начал свою деятельность лишь в 1953 году. За это время он показал зрителям около двадцати оперетт. Вот, пожалуй, и вся его «история». Но за девять лет уже должно было, конечно, в значительной степени определиться творческое лицо коллектива, его исполнительские принципы, подход к репертуару, многое другое. Обо всем этом мы могли судить по трем спектаклям, прошедшим в новом здании Московского театра оперетты.

Нам были показаны «Нищий студент» К. Миллекера, «Парижская жизнь» Ж. Оффенбаха и «Пароход «Русалка»» современного польского композитора Ежи Лявина-Свентоховского. Спектакли эти разноплановы и неравноценны по художественным достоинствам. Бесспорно, театру удалось создать отличный, очень ровный ансамбль не только в актерском отношении, но и в вокальном. Создается впечатление, кстати сказать, вообще очень редкое, что в спектаклях нет второстепенных ролей — каждый образ, от главного героя или героини до незаметного статиста, каждая деталь обрисованы выпукло и ярко.

Пожалуй, лучше всего достоинства театра, его сильные стороны проявились в «Парижской жизни», поставленной Барбарой Кильковской и Владиславом Кшеминским. Мы увидели классическую оперетту, если так можно выразиться, в чистом виде. Точное и чуткое, во вместе с тем ненавязчивое изображение эпохи (чему в не-

малой степени способствуют декорации Леха Захорского), великолепное чувство стиля, какая-то истинно французская легкость, отличное азтерское мастерство... Найдены прекрасные темп и ритм спектакля. Многие сцены, а особенно финальная, поставлены с настоящим блеском. Трудно выделить кого-нибудь: почти все актеры превосходны — великолепная техника, непринужденное поведение на сцене, умение установить непосредственный контакт со зрителем — все это приводит к тому, что польская речь зачастую перестает нуждаться в переводе. И все-таки об одной артистке необходимо сказать особо. Это Беата Артемска, исполняющая роль Габриэли. Вот настоящая душа спектакля, его нерв. Она в равной степени владеет всеми компонентами сложного искусства оперетты: прекрасно справляется с вокальной партией, увлекательно танцует, обладает даром перевоплощения, нигде и ни в чем не утрирует свою роль. Все, что она делает, исполнено такого покоряющего обаяния, такой естественности, что каждое ее появление на сцене сопровождается аплодисментами. Нельзя не упомянуть также Эльжбегу Рыль-Гурску (Кристина), Аляну Вечорек (Метелля), Ежи Адамчевского (Барон), Мечислава Войницкого (Рауль), Леслава Павлюка (Бобине), Стефана Витаса (Альфонс).

Большинство из них исполняет главные роли и в оперетте «Пароход «Русалка», которая еще до начала гастролей вызвала наибольший интерес. Это естественно. При всем увлечении к классическому репертуару зритель страстно хочет увидеть на сцене современность. В основу оперетты положен незамысловатый, но богатый возможностями сюжет. Действие происходит в наши дни. Польские эмигранты едут на родину, чтобы взглянуть на новую Польшу. Последняя особенно интересовала бы и зрителя. Однако, к сожалению, мы расстаемся с пассажирами парохода как раз в момент их прибытия в польский порт.

Конечно, и в рамках этого путешествия можно было подчеркнуть характерные контрасты как в драматургическом, так и в музыкальном плане, используя при этом порой дружеское, а порой и сатирическое сопоставление и образа жизни, и взглядов, наконец, музыкальных характеристик при обрисовке персонажей, принадлежащих к столь полному миру. Вероятно, такая возможность и привлекла внимание композитора к этому либретто. Но, реализуя замысел, автор встал на нейтральные позиции, а в оперетте — искусстве сатирическом — нейтральность особенно опасна. В результате конфликты вышли несколько надуманными, образы блеклыми, а в музыке получилось слишком много общих мест. Здесь

есть приятные и даже запоминающиеся мелодии, но не хватает контрастов, своеобразия.

И все-таки нельзя обойти молчанием актерскую удачу, свидетелями которой мы были на этом спектакле, — исполнительницей артисткой Станиславой Ковальчик-Мушинской роли Анели. Она привлекает бурным темпераментом, задором молодости, юмором. Правда, ее роль наделена большей жизненной характерностью, чем другие. Спектакль этот в незначительной степени украшают также танцевальные эпизоды, поставленные Станиславой Станиславской.

Третья работа, привезенная гостями, — «Нищий студент» К. Миллекера (постановщик и режиссер Данута Бадушек). Здесь, как и в «Парижской жизни», в первую очередь обращает на себя внимание тщательный подход к музыкальной стороне постановки. (Заметим, кстати, что оркестр, руководимый дирижером Ежи Гачеком и Ежи Процнером, несмотря на свою сравнительную немногочисленность, во всех трех спектаклях хорошо справляется со своими задачами). Особенно выразительно звучат хоровые сцены и многочисленные вокальные ансамбли. В этом смысле исполнители главных партий — Марьяна Карвовска (графиня Новальска), Агнешка Коссаковска и Кристина Зборовска (ее дочери), Мечислав Войницкий (полковник Оллендорф), Здислав Зачик (Шимон) и Леслав Павлюк (Ян) — все они составляют стройный ансамбль. Что же касается постановки, то в ней можно было бы, вероятно, проявить больше изобретательности.

Итак, три спектакля Варшавской оперетты дали нам ответ на вопрос: по какому пути идет сегодня этот молодой театр? Это путь претворения классических традиций, которыми богато польское искусство и, в частности, оперетта. Очевидно, именно этим объясняется и выбор гастрольного репертуара с упором на классику, и то, что лучшие достижения коллектива связаны с этой областью. Конечно, жаль, что, побывав вслед за сценическими персонажами и в старом Кракове («Нищий студент»), и в парижском кабачке (оперетта Оффенбаха), и даже на Гавайских островах («Пароход «Русалка»), мы не взглянули на социалистическую Польшу, не посмотрели, как строят новое и побеждают старое, не услышали, как поют и смеются наши друзья-современники.

Но у Варшавского театра оперетты, только вступившего в полосу возмужания, есть все, чтобы восполнить этот пробел, есть прекрасные актеры и музыканты, знакомству с которыми мы были очень рады.

Л. ГРИГОРЬЕВ,
Я. ПЛАТЕК.